

Сегодня. — 1993. — 25 июня. — 102

Ее нельзя никак поймать

«Жемчужные голоса Большого». Финал

Варган Ерицян

В

Малом зале консерватории выступала Татьяна Ерастова, меццо-сопрано, чье появление в свое время на конкурсе им. Чайковского было подобно взрыву. Мощный, необыкновенной красоты голос запомнился всем, а актерская одаренность не вызвала сомнений. Естественно, последовало приглашение в Большой. И...

Нынче Большой театр — это черная дыра русской музыки. Кто туда попал — исчезает навеки. Спасаются лишь те, кого заметят с западной стороны. Становятся звездами, но не на нашем небосклоне.

Не понимаю, почему Татьяна Ерастова мессажами не поет в Большом, ибо концерт показал, что мы имеем в ее лице певицу мирового уровня, волею случая пока не уехавшую.

Первый раз в жизни слышу вокалиста, который понимает разницу между Чайковским и Рахманиновым. Чайковский у Ерастовой, при всей эмоциональной нагруженности, более строг, вернее, деликатен. Певица не позволяет себе ни мощного фортиссимо, ни чрезмерного рубато. Голос не вибрирует и не дрожит от слезливости. Тембр ровный и светлый. Сочетание эмоциональной открытости со строгостью и дает ощущение подлинного Чайковского.

Не то Рахманинов. Голос Ерастовой становится густым с контральтовым оттенком, в нем появляется какая-то сладость, невозможная в

Чайковском, но столь уместная в Рахманинове. Динамика более ступенчатая, переходы от forte к piano более скорые, хотя и плавные. Воистину, Рахманинов — это XX век с его модерном и экспрессионизмом, некоторой пресыщенностью и боязнью судьбы. Но, как и в романсах Чайковского, здесь Ерастова абсолютно искренна, в ней нет и тени надуманности, сконструированности, желания удивить чем-то неожиданным. Татьяна Ерастова настоящий музыкант — редкость среди вокалистов. Она абсолютно точно ощущает стиль, точна во фразировке; у нее идеальное чувство формы — каждая кульминация, все подходы к ней и спады точны до эсьмушки. И при этом — полное впечатление сиюминутности, импровизационности, неожиданности.

И еще неожиданность. Как правило, певцы делятся на оперных и камерных. Камерные в оперу не идут, а оперные и в камерных концертах голосят как в театре. Ерастова же поет романсы не так, как оперные арии. Перед нами словно бы две певицы. Первая, в романсах, обращается к каждому в отдельности, голос ее, при всей выразительности и силе, не превышает размеров зала, манера держаться проста и естественна. Вторая же, в оперных ариях, совсем другая — голос становится мощным и проницает стены, а на сцене уже не певица, а та, кого она сейчас изображает. Наиболее ярко прозвучала сцена изобразитель Марфы из «Хованщины». Поразителен переход от кошмарных сюрреалистических заклинаний в начале к скорбному, тоскливому и тем не менее невыразительно прекрасному обращению к князю во вто-

рой части. Мусоргский для любого певца — лакмусовая бумажка. Здесь не спрячешься за голос, технику, эмоцию. Здесь певец гол как сокол. Он настолько хорош или плох как певец, насколько он хорош или плох в Мусоргском. Тут надобно все — и голос, и мастерство, и голова на плечах, и истинное чувство.

После Чайковского, Мусоргского и Рахманинова в программе были Верди, Сен-Санс и Бизе. И это — единственный недостаток концерта. Слушать после откровений, на какие способна только русская музыка, вальсы Верди или шансонетки Сен-Санса, при всем уважении к мастерам, ей-богу, не хочется. Правда, в арии Далилы, в отличие от шлягерного исполнения Елены Образцовой, Ерастова показала вкус и тонкость. Она нигде не ломает тембр (что так любит Образцова, особенно на нижних нотах), а находит массу красок в своем естественном тембре, при этом ария звучит лирично, мягко и завораживающе красиво.

Что до Кармен, она у Ерастовой удивительно русская (особенно в спетой на бис «Хабанере»), лукавая, смешливая и добродушная. Что лично мне нравится, хотя вряд ли соответствует образу, созданному французской культурой, где женщина типа Кармен может быть лукава и смешлива, но добродушна — никогда.

Фестиваль, устроенный банком «Московия», назывался «Жемчужные голоса Большого театра». Что касается Татьяны Ерастовой — она действительно жемчужина. Но какое к ней имеет отношение Большой театр? Только то, что не ставит для нее спектаклей?